
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОПЫТ СМЫСЛООЗНАЧИВАНИЯ

О.И. Матьяш

Ph.D. (Сиракузский университет, США),
кандидат педагогических наук (Российская академия образования, Россия)

В статье рассматриваются современные концептуальные подходы к пониманию человеческой коммуникации. Особое внимание уделяется новому для отечественной социально-гуманитарной традиции подходу к коммуникации как социальному конструированию. При этом подчеркивается созидательно-преобразующая и конституирующая роль коммуникации, сама коммуникация понимается как процесс производства и согласования (координирования) смыслов.

Ключевые слова: человеческая коммуникация, модели коммуникации, транзакция, социальное конструирование, смысл, разговор как коммуникация, жизненный мир, коммуникативный выбор, коммуникативная ответственность.

Попытки объяснить процесс человеческой коммуникации предпринимались в истории человечества неоднократно, и сегодня существуют многочисленные подходы к его определению и толкованию. Этимология слова хорошо известна — связь, соединение, сообщение, создание общего, общение. То есть коммуникация предполагает взаимодействие, связанность, соединение и соединенность. Однако как только мы пытаемся разобраться, что это за взаимодействие, как происходит эта связь-сообщение-соединенность и как ее можно наиболее полно и точно описать, так тут же осознаем, что задача эта не из простых. Кто-то может сказать, что коммуникация — это умение ясно выражать свои мысли, говорить и писать; кто-то — что это умение слушать и понимать. Для кого-то — это обмен информацией, для кого-то — общение в виде разговора, для кого-то — отношения с другими...

Такое разночтение понятно. Процесс слишком сложен и многомерен — в нем много аспектов, различий, и каждое различие открывает его нам как-то иначе. И оказывается, трудно этот процесс исчерпывающе описать, дать ему точное определение или адекватно представить в форме единой модели. Значительно полнее и богаче получается картина, если принять во внимание несколько разных толкований, соотнести разные подходы. В сегодняшней теории коммуникации дело так и обстоит: в ней сосуществуют различные подходы к пониманию коммуникации, различные научные традиции, или, как принято говорить в науке, парадигмы (1).

Каждая из научных традиций-парадигм рассматривает коммуникацию в своей системе координат и предлагает свой «язык» в ее толковании и определении. Так, из теории информации пришло к нам понимание коммуникации как процесса передачи и восприятия информации, кодирования и декодирования. В семиотической традиции принято рассматривать коммуникацию как знаково-символьные отношения. В социально-психологической традиции коммуникация представляется как социальное взаимодействие субъектов; в парадигме когнитив-

ных наук — как процесс восприятия, осмысления и понимания-интерпретации. В социально-культурной традиции и социально-культурной антропологии коммуникация выступает как способ функционирования и воспроизводства культуры социума. В теории социальных систем — как способ самопроизводства и самоорганизации системы, как порождение и координация смыслов и т.д. (2).

Каждый из этих концептуальных подходов, традиций, парадигм использует свой терминологический язык для описания и объяснения процесса коммуникации. Однако пусть нас не смущает обилие этих концептуальных подходов и их разнообразие. Человеческая коммуникация сложна и многомерна, как сложен и многомерен сам человек и его мир. И как существует сегодня многодисциплинарное знание о человеке, а в нем множество внутри- и междисциплинарных подходов, так существует и разветвленное знание о человеческой коммуникации и разнообразные подходы к ее пониманию.

Три модели коммуникации

Исторически в теории коммуникации сложилось и до сих пор выделяется три типа моделей. Между ними существует преемственность — каждая последующая модель «вырастает» из предыдущей, акцентируя при этом новый взгляд на коммуникацию.

Модель «*Коммуникация как акция*» акцентирует активность отправителя, его *воздействие* на реципиента. Называется иногда линейной или каузальной, поскольку представляет процесс как односторонний (от отправителя к получателю) и причинно-следственный: я передал (причина) — ты воспринял (следствие). Ассоциируется с метафорой укола или выстрела с траекторией пули в сторону принимающего. Исторически возникла на первых стадиях изучения различных видов массовой коммуникации, таких как пропаганда, реклама, политические избирательные кампании. Эта модель подчеркивала, что коммуникант производит некое воздействие, что-то *делает* с аудиторией слушателей.

Модель «*Коммуникация как интеракция*» акцентирует реагирование в коммуникации, ответ получателя, *обратную связь*. Представляет коммуникативный процесс как двусторонний — воздействие и реагирование, как последовательность действий отправителя и получателя. Ассоциируется с метафорой тенниса: удар — ответный удар. Исторически возникла как ответ на предыдущую модель: с целью подчеркнуть, что роль реципиента (слушателя) не сводится к пассивному восприятию, его обратная связь также оказывает влияние на ход коммуникативного процесса.

Модель «*Коммуникация как трансакция*» еще более усложняет наше понимание коммуникации, акцентируя ее *динамичность*. Эта модель подчеркивает *одновременную* активность обоих партнеров относительно друг друга, подвижность, взаимопереходность ролей отправителя и получателя, говорящего и слушающего. А именно: говорящий, производя высказывание, одновременно становится реципиентом — ожидая, как прореагирует слушающий на его высказывание, и корректируя свое высказывание в соответствии с той реакцией; а слушающий, выражая свою реакцию, одновременно становится «воздействующим» на говорящего (3).

Иными словами, коммуникативное взаимодействие понимается в этой модели как «сквозной» процесс, в котором смыслы порождаются, выражаются и воспринимаются каждым из участников, независимо от разделения ролей на говорящего и слушающего.

Метафора, ассоциируемая с транзактной моделью, — танец. Коммуникация — как танец, в котором обоим партнерам необходимо чувствовать и уметь настраиваться друг на друга. Если взаимной настройки не происходит, даже если каждый из партнеров талантлив сам по себе, то танец не удастся. Более того, с каждым новым партнером необходимо настраиваться как-то иначе, каждый танец неповторим. Модель акцентирует, что коммуникация — это не просто действия в отношении к кому-то, а *совместно* с кем-то. Иными словами, коммуникация — это со-действие.

В транзактной модели также подчеркивается отношенческая природа коммуникации. Коммуникация — это не просто обмен информацией, это отношения, выстраиваемые вокруг обмена информацией. Как верно замечал Шрамм, везде, где бы ни происходила коммуникация, мы обнаруживаем социальные отношения. В сфере межличностной коммуникации последнее особенно очевидно [1. С. 16].

Транзактная модель возникла из системного понимания коммуникации: коммуникацию следует описывать и понимать не как линейный процесс и не в каузальных отношениях — стимул-реакция, причина-результат, а как саморефлексирующую систему с круговой причинностью. «Твой ответ мне» — это одновременно и порождаемый результат (реакция на мое высказывание), и порождающая причина (вызывающая мою ответную реакцию на твою реакцию). Для такого системного понимания коммуникации упрощающая линейная формула Лассвелла оказывается уже недостаточной.

В повседневной жизни мы не теоретизируем над тем, что такое коммуникация, и не рассуждаем, какую из ее моделей в какой момент следовало бы применить. И тем не менее в ежедневной коммуникативной практике каждый из нас интуитивно реализует тот или иной подход (модель коммуникации). Когда мы с легкостью отгораживаемся от ответственности словами «А я здесь при чем? Меня заранее не проинформировали», мы действуем в логике первой, каузальной модели — передачи и приема сообщений. Эта же модель нередко реализуется и в ситуациях убеждения, когда мы стремимся повлиять на собеседника, склонить на свою сторону. В этих случаях мы сосредотачиваемся на своей роли «актера», воздействующего, и на сообщении — как организовать сообщение, чтобы оно подействовало быстрее и эффективнее.

В ситуациях выступления перед аудиторией, когда мы делаем доклад на работе, выступаем на сцене, отвечаем перед комиссией на экзамене, объясняем новый материал ученикам или рассказываем анекдот в компании, нам важно, чтобы наше выступление имело успех, важна обратная связь слушателей — их вопросы, понимание, оценка, соучастие. В этом случае, ожидая открытого отклика слушателей, можно говорить, что мы работаем в режиме второй модели.

А вот в ежедневных бытовых ситуациях мы чаще всего не придерживаемся строгого распределения ролей: один говорит — другой воспринимает. Напротив,

в обычных разговорах, которыми изобилует каждый день (дома, на работе, в сфере обслуживания), мы совмещаем обе роли: и «передаем», и «принимаем». Выражая себя другому, мы вместе с тем пытаемся предвидеть его реакцию (то есть, формулируя высказывание-сообщение, уже зависим от того, кто нас слушает, и тем самым уже выступаем по отношению к самим себе как реципиенты); а выслушивая собеседника, одновременно готовим ему свой ответ (то есть во время получения-восприятия уже начинаем формулировать свое сообщение и становимся адресантами). Таким образом, наши коммуникативные акты, «обмены мыслями» осуществляются как транзакция смыслов, с то попеременным, то одновременным вплетанием смыслов каждого из участников в общую смысловую канву разговора. Логика третьей модели помогает понять эту непростую «смешанную» динамику живого коммуникативного потока и, по словам Бахтина, преодолеть упрощенные представления о речевой жизни, о так называемом речевом потоке, о коммуникации [2. С. 167].

Как видим, каждая из представленных моделей выполняет свою объяснительную функцию и имеет практическую целесообразность. Вместе с тем современная теория коммуникации признает, что объяснительные функции первых двух моделей, получивших название «передаточных» (как акцентирующих передачу сообщения), сегодня нас уже не удовлетворяют. Причинно-следственная логика этих моделей, безусловно, может быть полезна. Благодаря этой логике мы обращаем внимание на последовательность коммуникативных актов, что помогает нам порой перестроить свое коммуникативное поведение: я послал сообщение и получил нежелательную реакцию — какую коммуникативную тактику я должен избрать в следующий раз, чтобы получить желаемый результат? Но эта же причинно-следственная, каузальная логика часто играет с нами злую шутку — вводит в искушение обвинить в неудаче коммуникативного партнера: я все ясно сказал — он не понял — его проблема, его вина. В противоположность причинно-следственной логике логика транзактной модели позволяет осознать, что каждый из участников делает свой вклад в ход взаимодействия и, в той или иной мере, несет ответственность за полученный результат.

Последняя, транзактная модель нередко называется также конститутивной (основополагающей, определяющей). Эта модель выводит нас на более широкое понимание коммуникации как основополагающего социального процесса, где совместными усилиями участников создается, сотворяется и утверждается (конституируется) нечто новое, то, чего ранее не существовало.

Коммуникация как социальное конструирование

В современной теории коммуникации, несмотря на обилие частных подходов, преобладает акцент на понимании, прежде всего, созидающе-конституирующей роли коммуникации, или на понимании коммуникации как процесса социального конструирования. Это понимание принято называть в научной литературе социальным подходом к коммуникации, социально-культурным подходом, а в последнее время — подходом социального конструирования (4).

Основные принципы этого подхода сводятся к следующему.

1. В процессе коммуникации и посредством коммуникации мы создаем и преобразуем свои жизненные миры. Коммуникация есть основной, первичный способ социального бытия и социального конструирования этого бытия.

2. Социальные, жизненные миры (реальности) бесконечно разнообразны. Миры окружающих нас людей отличаются от наших собственных. Уметь распознавать это разнообразие и уметь договариваться, то есть координировать свои миры, — необходимое условие человеческой коммуникации.

3. Социальные миры создаются и поддерживаются совместными усилиями людей — в отношениях, во взаимодействиях — это всегда миры «между», миры межсубъектные.

4. Коммуникация, социальная культура и язык неразрывно связаны.

5. Коммуникация — вид человеческой активности, имеет свои практики. Основным и важнейшим видом коммуникативной практики является разговор, или дискурс.

6. Ключевое понятие в социальной коммуникации — смысл-означивание. Коммуникация представляет собой со-творение (совместное творение) и координирование смыслов.

7. Коммуникация ситуационна, контекстна — она наделяется смыслом, приобретает смысл всегда в живой конкретике ситуации, в контексте происходящего.

8. Коммуникация имеет этическую природу, имеет этические и нравственные последствия. Любое коммуникативное действие оказывает влияние на ход событий, ведет к тем или иным результатам и, как таковое, способно изменить социальные отношения и социальную реальность — к лучшему или наоборот. Каждый из нас несет ответственность за свои коммуникативные действия, за их выбор.

Эти принципы — основы понимания коммуникации как процесса социального конструирования (5). Конечно, каждый из принципов сам по себе далеко не прост и подразумевает более расширенное толкование (6).

Деятельно-преобразующая природа коммуникации

В некоторых философско-теоретических традициях, а оттуда в обыденном сознании и практике глубоко укоренилось мнение, что коммуникация, общение — это передача мыслей из головы одного участника к другому. Соответственно, чем точнее произведена эта передача, тем эффективнее коммуникация, тем лучше мы «пообщались».

В современной теории коммуникации, опирающейся на традиции языковой прагматики, преобладает иной подход (7). Коммуникация, разговор — это не только выражение и передача мыслей (или попытка это сделать) от одного человека к другому. Коммуницируя, мы проявляем активность, что-то делаем, производим, образуем, изменяем, совершаем, создаем. Коммуникация — это *действие, деяние, действование, совершение*, и как таковое имеет объективные последствия. Если коммуникация — деяние, то что именно мы в ней производим, создаем? Оказывается, очень многое. И это то многое, из чего состоит человеческая жизнь.

То, что, коммуницируя, мы не просто обмениваемся информацией, а производим действия в отношении друг друга, особенно отчетливо проявляется в процессе

разговора. Если мы понаблюдаем за тем, что происходит между нами и нашим собеседником в разговоре, мы непременно заметим, что каждым своим высказыванием каждый из нас что-то делает — производит, изменяет. Каждое высказывание — это действие.

Конечно, в процессе живого разговора мы не раскладываем для себя каждое высказывание-действие «по полочкам». Тем не менее в каждый момент разговора мы заняты не только содержанием, но и распознаванием того, что происходит, что делается в разговоре. Мы распознаем, что сделал (произведя высказывание) собеседник, и выбираем, каким действием ему ответить. Весь разговор осуществляется как цепочка «действий в ответ на действие». И даже тот, кто начинает разговор, тоже действует в ответ — заговаривает не «с нуля», а в отношении к чему-то, в ответ на что-то. Бахтин называл это активной ответственностью партнеров в речевом общении, а все речевое общение — речевым потоком (8).

Принято считать, что коммуникация производит понимание, вернее — взаимопонимание. Однако так ли это? Не стоит отрицать, что во многих жизненных ситуациях люди вступают в разговор, обсуждение ради того, чтобы понять что-то (кого-то), или ради того, чтоб быть понятыми. Однако нередки ситуации, в которых коммуникативные партнеры преследуют иные цели. Определенная степень понимания другого здесь тоже необходима, но как средство в достижении иных целей.

Хотя понимание смыслов и действий другого является важным условием успешного коммуникативного взаимодействия (не понимая другого, сложно согласовывать с ним свои действия и выстраивать отношения), далеко не всегда люди вступают в коммуникацию именно с этой целью — понять другого и установить взаимопонимание. Авторы известной теории координированного управления смыслами Б. Пирс и В. Кронен утверждают, что взаимопонимание как полное согласие — отнюдь не обязательное условие для коммуникации. Партнеры могут удовлетворительно общаться и решать возникающие вопросы даже при отсутствии понимания друг друга на многих уровнях (9).

Ситуация такого рода замечательно представлена в комедии Э. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966). Герой И. Смоктуновского Деточкин, романтический угонщик автомобилей, и герой О. Ефремова, следователь Подберезовиков, разыскивающий угонщика, встречаются и по-дружески общаются на репетициях самодеятельного театра. Во время разговоров следователь увлеченно делится со своим другом новыми гипотезами о занимающем его ум талантливом преступнике, «главаре банды». Патологически не умеющий врать Деточкин, в свою очередь, вольно или невольно добавляет следователю новые подробности по делу. Каждый из них работает на цель другого, зачастую не подозревая об этом. Далеко не сразу Подберезовиков начинает понимать, что друг, с которым он так доверительно делится, и есть тот самый преступник, которого он все это время так усиленно разыскивает.

Коммуникация как социальное взаимодействие (интеракция)

Коммуникация всегда интерсубъектна (межсубъектна) (10). То, что мы производим в процессе коммуницирования, мы производим не единолично, не сами

по себе, а сотворяем, создаем, сопроизводим совместно с другими. Коммуникация — это со-труд-ничество.

Коммуницируя, мы всегда находимся во взаимодействии с другими. А кто эти другие? Конечно, это прежде всего наши непосредственные коммуникативные партнеры. Как мы уже говорили, коммуникация, коммуницирование — это «танец вдвоем». Но не только. Есть в этом взаимодействии и иные, «скрытые другие» — те, отношения с кем на жизненном пути и чьи влияния (какими бы они ни были) сделали нас тем, что мы сегодня есть. Все наши жизненные отношения, начиная с семьи, школы, первой работы, вплетаются в каждый миг наших новых отношений. И когда мы говорим с другими, в нашем голосе звучит множество голосов. Прямым подтверждением этого является даже данный текст.

Этот текст — продукт не одного и даже не нескольких авторов, а многих и многих людей из разных времен и культур (хотя большинство из них, ныне живущих, о своей сопричастности к этому и не подозревают). Даже сама мысль о многоголосии, которую я сейчас выражаю, сформирована во мне «голосами» многих других исследователей. Вот только два из них:

Русский философ Михаил Бахтин, середина XX в.: Каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний, с которыми оно связано... [2. С. 195]. Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берем их из системы языка... Мы берем их обычно из других высказываний [2. С. 191]. ...Индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности [2. С. 193]... Каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний [2. С. 170].

Американский психолог Кеннет Герген, наш современник: Фактически мы вступаем в каждое отношение как многоголосые; за нами из прошлого тянутся многочисленные голоса. Любая конкретная фраза может представлять собой смесь прошлых высказываний, сцепленных друг с другом и плавающих в своего рода нанесенном на карту море без определенного предназначения [3. С. 122—123].

Итак, коммуникация — это социальное взаимодействие, в котором, наряду с непосредственными участниками, присутствуют многие «скрытые» другие. Это означает, что коммуникация имеет отношенческую природу: любое коммуникативное действие — это и действие в отношении к кому-то, и действие совместно с кем-то. На языке теории это называется реляционностью коммуникации (от англ. relational, relationships).

Взгляд на коммуникацию как на социальное взаимодействие помогает выделить еще один важный нюанс — каждый из участников коммуникации неизбежно оказывает влияние на ее ход. Даже когда нам кажется, что наш собеседник — не более чем пассивный слушатель, мы выбираем, что и как сказать, ориентируясь именно на этого слушателя; он, его присутствие влияет на наше говорение. В ходе

реального разговора кто-то, безусловно, влияет больше, кто-то меньше — в зависимости от социальной роли, характера взаимоотношений, статуса власти, силы личностного влияния, компетентности и т.д. Тем не менее каждый из участников вносит свою лепту в осуществляемое взаимодействие.

Смыслы в коммуникации. Коммуникация как смыслообразование

В современных социальных подходах к коммуникации ключевым в понимании ее природы является понятие смысл-означивание (meaning) (11, 12).

Коммуницирование по сути своей есть постоянная работа со смыслами. Коммуницируя, мы придаем смысл тому, что происходит в нашем взаимодействии: означиваем происходящее, порождаем новые смыслы, включаем прежние, соотносим смыслы свои и другого... То есть коммуницирование есть процесс постоянного смыслообразования и смыслоогласования — и в этом, если вдуматься, его удивительная и интригующая сила! Удивительность и интрига в том, что смыслообразование в коммуникации происходит не как отдельный индивидуальный акт в голове каждого из участников, а как совместное творчество, как со-творение.

В коммуникативной традиции смысл рассматривается не как индивидуальное психологическое образование, присутствующее в моей голове и передаваемое с помощью языка вовне, а как распознавание, различение, отнесенность к чему-то. Смысл есть образование, рождающееся в моем взаимодействии с кем-то или чем-то, это всегда смысл в отношении к (чему-то, кому-то). Иначе говоря, смыслы — это отношенческие порождения; как и коммуникация, они реляционны (13).

Люди рано или поздно приходят к пониманию того, что мир приобретает для них смысл только через их отношения с другими — будь то звучащие в них голоса других людей, отношения с друзьями и коллегами, отношения в социальных группах или опосредованные отношения, как, например, медийные ток-шоу... Все, что мы думаем, делаем, чувствуем, оцениваем, заключено, по сути, в системе наших жизненных отношений (*Пер. мой — О.М.*) [4. Р. 102].

С отношенческой природой смыслов связаны и их следующие характеристики:

Смыслы динамичны — эфемерны, эмерджентны, постоянно изменяющиеся и становящиеся образования. Как характеризует их один из исследователей, это «текущие» образования; «ценности в динамике (values in the running)», «явления, которые всегда в процессе (always-in-process phenomena)» [5]. Недаром, говоря о смыслах, мы используем множество переходных оттенков: имеет смысл, потеряло смысл, придает смысл, приобретает смысл, меняет смысл, смысл возникает, проясняется, затуманивается, не вижу смысла, схватить смысл и т.п.

Мы живем, постоянно относясь к чему-то, и каждая из таких отнесенностей, каждый новый угол зрения неизбежно означает смену смысла. Сегодня мы видим происходящее в одном свете, через некоторое время — в другом. (На этой человеческой способности переосмысливать, менять и придавать новые смыслы построены, как известно, многие психотерапевтические приемы, такие как рефрейминг — смена точки зрения на проблему и переосмысление отрицательного в положительное.)

Смыслообразование неисчерпаемо, бесконечно. Покуда человек живет и действует, он порождает, генерирует новые смыслы, и в этом процессе не существует точки завершения — смысл не бывает для человека конечным. То, что в какой-то момент отношений или обсуждений нам представляется исчерпывающим ответом, завершённым смыслом, есть всего лишь застывший момент непрерывного диалога — течение диалога может в любой момент возобновиться и породить новые смыслы [6. С. 122]. Наша способность создавать неисчерпаемо новые смыслы проявляется, в частности, в разговорах, когда мы обсуждаем одну и ту же тему с разными людьми. Одно и то же событие, новость мы преподносим разным собеседникам с разными смысловыми оттенками, каждый раз рассказывая, по существу, новую историю.

Смыслы ситуационны, контекстны. Смысл как таковой — это всегда отношение к чему-то. Смысл рождается в контакте с определенной реальностью, в условиях конкретной ситуации. Смысл всегда контекстно обусловлен. Бахтин писал об этом, рассуждая о «нейтральности» языка. В языке есть много слов с эмоционально-оценочным содержанием, и мы их активно используем: «Миленький», «Радость», «Молодец!», «Отлично!», «Позор!» и т.п. Но сами по себе эти слова нейтральны, они есть «только языковое средство для возможного выражения эмоционально-оценочного отношения к действительности. Слова — ничьи, и сами по себе они ничего не оценивают... они могут обслужить любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих. Эмоции, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления в конкретном высказывании» [2. С. 188—189]. Чтобы понять смысл конкретного высказывания, нужно знать, в какой ситуации, в отношении к чему и в ответ на что оно произносилось.

Смыслы социальные и порождаются в деятельности. Смыслы возникают, создаются, воспроизводятся и изменяются в коллективной деятельности, в переплетении множества социальных отношений, или социально-культурных практик. С изменением социальных отношений и возникновением новых практик изменяются и социальные смыслы.

Показательна в этом плане история российских городов, имена которых менялись, и не один раз, на протяжении последнего столетия, каждый раз отражая новое отношение общества к себе и к своей истории: Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург; Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург; Царицын — Сталинград — Волгоград; Кузнецк — Новокузнецк — Сталинск — Новокузнецк и т.д. Разные времена — разные практики социальных отношений — разные смыслы.

Кто является *субъектом*, носителем социальных смыслов? Кто их порождает, закрепляет, передает (транслирует)? Это может быть как индивидуальный субъект (каждый из нас), так и обобщенный субъект, социальная группа или общество. При этом смысловые поля, создаваемые тем или иным субъектом, — индивидуальная и коллективная смысловая реальность — взаимосвязаны, неизбежно проницают и влияют друг на друга.

Коллективное смысловое поле, присущее определенной социальной общности или культуре (субкультуре), влияет на формирование смысловой сферы членов этой

общности, но оно и само, в свою очередь, изменяется под воздействием диалога и координации смыслов как внутри этой общности, так и в общении с другими культурами [7. С. 372—373].

Почему для каждого россиянина Великая Отечественная война имеет смысл священной, до такой степени, что наши национальные чувства бывают глубоко задеты, если кто-то другой их не разделяет? Потому что ее особая историческая значимость, ее национальный смысл сформированы множеством социально-культурных практик и отношений, воспроизводимых из поколения в поколение. Это и искусство советского периода — кинематограф, литература, музыкально-песенная традиция. Это и традиции-ритуалы общественного признания — празднование Дня Победы, чествование ветеранов, возложение цветов к памятнику Неизвестному солдату в день свадьбы. Это и практика образования и воспитания — преподавание курса истории с определенным отбором фактов, просветительская работа музеев, работа поисковых отрядов. Это и архитектурная традиция — памятники, мемориалы в каждом городе. Это и языковая-риторическая традиция «увековечивания» — называть улицы в честь героев и событий войны, а саму войну именовать «Великая Отечественная».

Естественно, что те, кто иницирован в иную систему социально-культурных отношений, придают событиям того периода иной смысл и переживают их иначе. Это наглядно проявляется в языке каждой культуры, запечатлевшей свой опыт войны. Если для большинства россиян главным до сих пор было название «Великая Отечественная война», то для многих евреев это «Холокост». Для американцев это «Вторая мировая война» (ВМВ), с пониманием того, что именно мировая. В их исторической памяти это событие огромного мирового масштаба, охватившее не только Европу, но и другие регионы мира. В их представлении ВМВ даже географически выглядит иначе, и их курс истории включает события, малоизвестные россиянам по нашему курсу истории.

Для каждой страны, нации, социальной группы, прошедшей через тот трагический опыт, существует своя история, воспринимаемая через призму своих исторических смыслов (которые при этом нередко оказываются малоизвестны и малопонятны представителям других культур и социальных групп). Более того, даже внутри одной культуры, по мере того как все дальше отодвигается тот опыт в исторической памяти поколений, изменяются связанные с ним смыслы и отношения. Сегодня на празднование Сталинградской битвы приезжают в Волгоград не только россияне, но и немцы. Полвека назад такую встречу участников, воевавших на противоположных сторонах, трудно было бы представить.

Взаимосвязь смыслообразования и социальной практики, социальная конструируемость смыслов является предметом изучения для многих исследователей социально-конструкционистской ориентации. Работы этих авторов, среди которых немало социальных психологов (14), показывают, что многие понятия, воспринимаемые обыденным сознанием как «отражение объективной реальности», как истина, не подлежащая сомнению (например, «детство — взрослость — старость», «чувство ревности, зависти», «умственная отсталость», «гомосексуаль-

ность», «развод», «умирание», «смерть»), в разные времена и в разных социокультурных средах наделялись разными смыслами и значениями.

Смыслы объективируются и передаются. Смыслы-означивания летучи и динамичны, тем не менее они фиксируются и передаются от поколения к поколению. Происходит это благодаря тому, что смыслы объективируются в жизнедеятельности. С помощью знаковой системы — языка социальная группа (семья, поколение, общество) закрепляет их в форме знания (фиксированного содержания) и передает последующему поколению. Для людей нового поколения это знание, зафиксированное в языке и реализуемое в работе социальных институтов и в социальных ролях, предстает уже как внешний, объективный порядок, как норма, определяющая таким образом их собственные действия и поведение («так есть», «так должно быть»). Каждое новое поколение, наследующее этот социальный порядок, постепенно «забывает», что этот социальный порядок был создан в предыдущих отношениях, что его объективность — это «сконструированная объективность» (15).

Люди склонны реифицировать смыслы. Поскольку мы наследуем то, что было создано до нас, нашему обыденному сознанию свойственно «объестествлять» и «овеществлять» смыслы — воспринимать их не как продукты человеческого мышления и деятельности, а как «объективную данность», как часть существующего порядка вещей, от нас не зависящих. На социально-философском языке это называется *реификацией*. В повседневном сознании нам свойственно реифицировать идеи и понятия, превращая их в самостоятельные сущности («эго», «супер-эго», «бессознательное», «чакры», «любовь» — «любовь нечаянно нагрянет...», «коммунизм» — «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»).

Реифицирующее сознание — сознание закрепощенное и подконтрольное: человек не верит, что он сам может повлиять на существующий порядок вещей. Именно поэтому так важно понимать суть идеи социального конструирования смыслов. Если мы понимаем, что социальные смыслы создаются — конструируются во взаимодействиях и в деятельности, мы обретаем более высокую степень свободы — мы не загнаны в угол, не бессильны, а имеем возможность изменять нашу действительность, преобразовывать ее в том направлении, которое видится нам наиболее привлекательным (понимая при этом, что это сопряжено с риском, ответственностью и возможными потерями). Иными словами, понимание процессов смыслообразования как социального конструирования эмансипирует — освобождает нас, открывает возможности организовать свою социальную действительность и свое жизнепрживание по-новому.

Таким образом, понимание процессов социального конструирования, включая процесс смыслообразования, помогает нам относиться к любой стороне нашей действительности как к изменяемой — *демистифицировать* ее — и открывает возможности к ее преобразованию. Мы начинаем понимать, что с помощью тех же медицинских практик можно формировать у человека убеждение, что его состояние здоровья таково, что с этим ничего нельзя поделать, кроме как принять неизбежное (например, утверждать, что против старости лечения нет: «В вашем-то возрасте, что ж вы хотите...»); а можно формировать отношение активного вы-

бора — уверенность, что человек на протяжении всей жизни может выбирать, как болеть, как быть здоровым, как стареть и как умирать. Наши смыслы — это наши отношения, проявляемые в наших действиях и организующие нашу жизненную реальность.

Разговор как основной вид коммуникативной практики

Основная ежедневная практика, в которой мы производим и закрепляем смыслы, — это разговор. В коммуникативно-лингвистической традиции разговор, беседа именуется *дискурсом* (от лат. *discursus* — движение «туда-сюда»). Именно в разговорных взаимодействиях — в обсуждениях, обменах новостями и мнениями — мы приобретаем новое осмысление, новое понимание себя, событий, всего, что нас окружает. По существу, разговор и есть то действие, в котором непрерывно порождаются, выражаются, различаются, разворачиваются и координируются новые смыслы. И нередко это происходит совсем не так, как мы ожидали.

Всем нам известно состояние «мысленного разговора», когда в преддверии реального разговора мы «прокручиваем» его в голове — выдвигаем аргументы, пытаемся представить аргументы собеседника. Но... как бы хорошо мы ни знали своего партнера и в каких бы деталях ни представляли его ответы, реальный разговор никогда не совпадает с воображаемым. Понятно почему. Реальный, живой разговор протекает в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии партнеров. То, что возникает, генерируется во взаимодействии, не равно сумме того, что думает один и думает другой. Как подчеркивал Бахтин, «говорящий и понимающий вовсе не остаются каждый в своем собственном мире, напротив, они сходятся в новом, третьем мире» [2. С. 209]. В этом «новом третьем мире» происходит переплетение и сплав смыслов, высказанных и предвосхищаемых. И это переплетение смыслов постоянно меняется. Высказывание, первоначально воспринятое в начале разговора в одном смысле, может в свете каждого нового высказывания (подтверждения, вопросов, опровержения, уточнения, дополнения) приобретать все новые и новые смыслы. Участники не могут знать наверняка, как точно развернется разговор и до чего они договорят(ся). Любой, самый простой разговор представляет собой процесс уникального «сцепления» смыслов и до конца не предсказуем.

В коммуникативной прагматике под разговором понимается не только беседа двух или нескольких людей, но и «разговор в социуме», все коммуникативно-языковые процессы, происходящие в обществе. В социальных науках это принято называть *социальным дискурсом*. При этом под социальным дискурсом понимается не только «способ говорения» в обществе, но и стоящая за ним идеология, то есть функционирующая в коммуникативно-языковых процессах система ценностей/значимостей/смыслов (16). В этом смысле можно утверждать, что каждый из нас говорит на языке того или иного социального (профессионального) дискурса и распознает особенности (смыслы, идеологию, логику изложения) того или иного дискурса. Неслучайно, послушав порой речь незнакомого человека, мы почти с уверенностью заявляем: «Ну, это не иначе как педагог (врач, юрист, философ) говорит».

Немало социальных исследований сосредоточено сегодня на том, чтобы понять, как происходит генерирование, закрепление или изменение смыслов в социальных дискурсах и как тот или иной социальный дискурс влияет на индивидуальное коммуникативное поведение (17). Однако немало примеров тому можно почерпнуть и из непосредственных наблюдений. Достаточно обратить внимание на то, как в нашем обществе распознаются и идентифицируются те или иные социальные проблемы, какие для них предлагаются подходы и решения. Как, к примеру, мы отнесемся к следующим вопросам? Гей — это врожденная особенность или распушенность нравов, тяжкий крест или добровольный выбор? Взрослый ВИЧ-инфицированный — жертва или тот, кто заслуживает наказания за свой образ жизни, который, скорее всего, его к этому и привел? Семейное насилие и насилие над детьми — в каких размерах и в каких формах существует сегодня то и другое? Что нам известно об этом? Что с этим делать? Обратим внимание, что то, как задаются вопросы, — сама их формулировка в языке задает обозначение и постановку проблемы, попытки к ней так или иначе отнестись. Самой формой и постановкой вопросов мы уже означиваем выделенные явления, наделяем их смыслом.

Главным механизмом распознавания и означивания (смыслообразования) выступают в обществе такие социальные дискурсивные практики, как: открытые публичные обсуждения в СМИ, дискуссии в профессиональных сообществах, информирование и просвещение населения, политическая пропаганда и т.п. Отсутствие или неразвитость этих коммуникативных практик — недостаток публичных обсуждений по проблеме, непредставленность разных точек зрения, недостаточное информирование и просвещение — тоже задают смысл: проблема представляется нам нетипичной, неважной, нераспространенной или несуществующей.

Перефразируя ряд высказываний современных авторов-конструкционистов [8. С. 16, 32], подведем итог: социальное явление нередко приобретает для нас смысл-значимость в зависимости не от того, насколько оно эмпирически исследовано, а от того, как оно представлено в социальном дискурсе. Поэтому, наряду с утверждением «Какова наша реальность, так мы о ней и говорим», справедливо и обратное: «Как мы говорим о нашей реальности, такова она и есть».

Коммуникация и жизненный мир человека: конструирование миров-реальностей

Смысловая природа жизненного мира человека

Пребывая в бесконечном потоке смыслов, человек стремится их организовать, упорядочить и образует тем самым разнообразные жизненные миры. Каждый из миров — это отдельная реальность, со своим «укладом» и со своим набором смыслов — значимостей — переживаний. Так, у большинства из нас есть мир работы и профессиональной деятельности; мир семьи и дома (что может включать город, в котором живем, и огород, в котором работаем после работы); мир друзей и личных взаимоотношений; мир увлечений, мир природы, духовный мир и т.п. Каждый из этих миров-реальностей отличает особое качество проживания. В мире профессиональных отношений мы осознаем себя «компетентными-некомпетентными», «успешными-неуспешными». В мире близких отношений ощущаем себя «одинокими или кому-то нужными», «любимыми-нелюбимыми» и т.д.

Проживая день, мы обычно не задумываемся, во скольких мирах мы перебывали. «Перемещаясь» из одного мира в другой, зачастую даже не отдаем себе в этом отчета. Между тем бесконечная череда этих миров в нашей жизни, их сменяемость и разворачиваемое разнообразие поистине удивительны.

Наша жизнь состоит из бесконечного разнообразия таких миров-реальностей. В социокультурной коммуникативной традиции они получили название *смысловых миров* личности (worlds of meaning).

Коммуниколог Джон Стюарт предлагает рассматривать многообразие смысловых миров личности в виде сферы, включающей семь измерений: пространственно-физическое, временное, (взаимо)отношенческое, духовно-мировоззренческое, профессионально-деловое, языковое и технологическое. В совокупности все они составляют сферу нашей жизнедеятельности, или наш жизненный мир [9].

Наш жизненный мир, во всех его смысловых аспектах, динамичен — его границы постоянно меняются. Возьмем, к примеру, мир отношений, или, как мы недаром говорим, «круг» отношений. Он то расширяется, то сжимается, в зависимости от того, кто входит в нашу жизнь и каким смыслом мы наделяем отношение с каждым. Не менее изменчиво и наше восприятие и отношение ко времени по ходу жизни. В детстве три недели в летнем лагере могли казаться вечностью, а во взрослой жизни недели мелькают, как мгновения. Время летит, когда мы чем-то увлечены, и тянется мучительно медленно, когда чего-то ждем. То же самое можно сказать про физическое пространство и связанные с ним смыслы. Когда мы молоды и полны сил, наш мир простирается широко, мы мыслим, и порой действуем, в масштабах планеты. Когда мы стареем и слабеем, наш пространственный мир сужается: у многих — сначала до размеров города, двора-улицы, а потом собственной квартиры. Наша жизненная сфера живая — в ней течет и пульсирует поток бесконечно сменяемых смыслов.

Проживая каждый день, мы не только наблюдаем и переживаем бесконечно разнообразные миры-реальности, мы активно создаем и воспроизводим их сами — своими коммуникативными действиями. Каждое коммуникативное действие — это выбор, влекущий за собой последствия.

Что бы мы ни выбрали в данной ситуации, наши слова-действия — это наш способ организации, конструирования своего проживания в этот момент и в последующие. Из нескольких возможных действий мы выбрали, реализовали одно и «отсекли» остальные. Мы — авторы своего сценария проживания как в отдельной ситуации, так и в жизни в целом.

Важно, однако, в очередной раз подчеркнуть, что наш выбор осуществляется не как абсолютно независимый акт сознания и воли, а всегда «в ответ на...», «в отношении к...». Каждый наш выбор — это ответ, реагирование на выборы других. Ведь выбор — это позиция, а «определить свою позицию, не соотнося ее с другими позициями, нельзя» [2. С. 196]. Реагируя своими выборами на выборы других, мы, если говорить метафорой, влетаем свои нити в постоянно изменяемую жизненную ткань нашей действительности, создаем рисунки этой ткани. Наши миры ткнутся нашими выборами действий.

Конечно, следует помнить, что в создании социальных миров в обществе участвуют многие силы и субъекты разных уровней. Но наш индивидуальный выбор в этом коллективном процессе социального конструирования значим всегда. Пример тому — наши отношения со СМИ и то огромное влияние, которое они на нас оказывают.

Средства массовой информации конструируют для нас ту или иную реальность посредством фреймирования (от англ. frame — рамка) — тем, насколько часто, широко, глубоко, последовательно, под каким углом зрения освещают те или иные события. Как воспринимать эту сконструированную реальность и на нее реагировать — наш личный выбор. Вспомним, нет ли среди ваших друзей и родственников тех, кто, наслушавшись сообщений о частых авиакатастрофах, решил, что ни за что больше не будет летать самолетом? Или тех, кто воспринимает оценки политических событий, озвученные их любимыми телерадиоведущими, политаналитиками или представителями власти как «то, что есть на самом деле», как «истину последней инстанции»? Могучее влияние средств массовой информации нередко заставляет нас забыть, что транслируемые ими реальности — это тоже социальные конструкторы, они создавались и создаются в определенной системе социальных отношений, путем целенаправленного генерирования и манипулирования смыслами. Принимать или не принимать их, в какой мере и каким образом — наш выбор.

Взаимообусловленность и взаимовлияние жизненного мира и коммуникации

Если до сих пор мы подчеркивали, что посредством коммуникации — своими действиями в ответ на действия — мы постоянно создаем и воссоздаем свои жизненные миры, то сейчас пришло время подчеркнуть обратное. Наши жизненные миры непосредственно влияют на коммуникацию, определяют ход коммуникативного взаимодействия и качество этого взаимодействия. Схожесть жизненных миров партнеров часто помогает им быстрее войти в контакт друг с другом, лучше понять друг друга (вспомните, что мы говорили выше о полях личностных опытов). Бывает и наоборот: более продуктивной оказывается несхожесть, разность индивидуальных жизненных миров. Благодаря несходству взглядов и позиций мы тоже открываем для себя новые смыслы, новые подходы, учимся друг у друга.

Таким образом, жизненные миры и составляющие их смыслы определяют наши коммуникативные действия и взаимодействия и при этом постоянно изменяются сами, приобретают новое наполнение и очертание. Здесь мы подошли к фундаментальному положению в понимании коммуникации как социального конструирования: жизненный мир человека и человеческая коммуникация порождают друг друга и порождаемы друг другом. Иными словами, мы возвращаемся к первоначальному утверждению: *коммуникация, коммуницирование есть способ человеческого бытия* (или жития), посредством коммуникации мы создаем, конструируем свои многообразные миры-реальности.

Сформулируем определение коммуникации: человеческая коммуникация — это трансактный символичный (осуществляемый посредством символов) процесс совместного (коллективного) сотворения социальных реальностей. Более развернуто: человеческая коммуникация — это трансактный процесс социального взаи-

модействия посредством вербальных и невербальных символов, в котором происходит совместное координирование — порождение, соотнесение и согласование смыслов и действий.

Понимая коммуникацию как созидающе-преобразующую, как коллективное сотрудничество и как индивидуальный выбор действий в ответ на действия, мы неизбежно приходим к вопросу о коммуникативной ответственности. Это вопрос этический и неизбежно вытекающий из самой природы человеческой коммуникации.

Зрелый коммуникатор понимает и принимает позицию ответственности и воспринимает любую коммуникативную ситуацию через призму вопросов-выборов: что я делаю, участвуя в разговоре? как я отвечаю на то, что произошло в предыдущем действии? каким должен быть мой следующий шаг-действие? каковы будут последствия этого действия для меня и для остальных участников? Если возникает проблема: что я могу сказать-сделать, чтобы изменить ситуацию к лучшему?

Подчеркнем, что в коммуникативной этике ответственность рассматривается не в категориях причинности и виновности: «Ты так сказал-сделал — теперь смотри, что произошло, — ты виноват». Ответственность понимается, исходя из слова «ответ», и подразумевает ответственность, способность отвечать, активно реагировать; делать выбор из наличных возможностей, уметь предвидеть, к каким изменениям этот выбор ведет, уметь предвидеть ответы-выборы другого (18). То есть ответственность понимается прежде всего как активность самого субъекта коммуникации.

Понимание коммуникации как социального конструирования позволяет осознать, что, как бы ни была мала мера нашего влияния в разговоре и с какой бы силой ни «давила» на нас сложившаяся система отношений, у каждого из нас всегда есть выбор изменить что-то своими коммуникативными действиями, придать ходу событий иное направление, преобразовать то, что происходит. Каждый из нас в человеческой коммуникации неизбежно — агент изменений.

Подведем итоги.

1. Человеческий мир — это мир смыслов. Человек — существо смыслообразующее. Коммуникация, коммуницирование — это основополагающий социальный процесс, в котором, вербальными и невербальными средствами, происходит совместное (коллективное) производство социальных смыслов.

2. Коммуникация динамична, изменяема — транзактна. Транзактность коммуникации означает, что: а) каждый из субъектов коммуникации выступает в ней в разных, и постоянно сменяемых ролях, является отправителем и получателем; говорящим и слушающим, кодирующим и декодирующим, воздействующим и воздействуемым; б) коммуникация исторична, разворачивается не только в настоящем («здесь и сейчас»), но вбирает в себя и прошлое (пережитый опыт участников, предыдущие события, повлекшие за собой последствия), а также проецируется в будущее. В этом смысле коммуникация как социальный процесс бесконечна. Несмотря на то что на индивидуальном уровне мы воспринимаем этот процесс в форме дискретных событий и ситуаций, с различаемым началом и концом, мы не можем знать, где еще, когда, кому и как «наше слово отзовется».

3. Коммуникация, коммуницирование — это большее, чем обмен информацией или мыслями. Это деятельная активность — действие, деяние, производство, созидание, совершение. Результаты этой активности разнообразны: приобретение новых знаний и точек зрения, переживание чувств и состояний, закрепление или прекращение отношений, в конечном итоге — изменение жизненных миров-реальностей. Коммуникация — это всегда пре-образ-ование — создание нового образа.

4. Коммуницирование — это совместное действие, совместный труд — сотворение, со-трудничество. Каждый из участников, в той или иной мере, влияет на ход и исход процесса, определяет его качество и результаты.

5. Коммуницирование — это связь, взаимодействие меня и другого, что обязательно предполагает со-настройку партнеров. Вступая во взаимодействие с «другим», будь то отдельный человек, группа или сообщество, каждый из нас становится перед необходимостью сориентироваться на другого — понять, в какой системе координат живет, мыслит, переживает и действует тот другой; понять его личностные смыслы, чтобы суметь соотнести и согласовать с ним свои. Этот процесс понимания и согласования (координирования) разных смыслов и действий и есть то главное, что происходит (хоть и с разной степенью успешности) в процессе человеческой коммуникации.

6. Коммуникация контекстна, что означает: а) коммуникативное взаимодействие (в широком смысле текст) определяется средой и условиями, в которых оно осуществляется (кон-текстом); б) чтобы адекватно понимать любое коммуникативное событие, необходимо знать его контекст — сочетание временных, пространственных и иных условий, в котором оно совершалось, «знать ситуацию»; в) каждый из субъектов коммуникации воспринимает, контекстуализирует ее через призму собственных смысловых фреймов, или личностных смыслов. Каждый способен создавать свои «иерархии» смысловых контекстов.

7. Коммуникация имеет этическую природу, неизбежно подразумевает личностный выбор и осуществляется как выбор. Выбор предполагает ответственность — осознание и принятие последствий своего выбора. По тому, какой выбор делает в коммуникативной ситуации тот или иной партнер, можно определить его этические и нравственные ориентиры.

8. Наиболее распространенной формой коммуникации является разговор — дискурс, дискурсные практики. Именно в них реализуются наши коммуникативные умения. Разговор, несмотря на его обыденность, — это важный вид социального взаимодействия. Даже самый обычный разговор может иметь для участников неожиданные и далеко идущие последствия.

9. Коммуникация есть в целом способ человеческого бытия, или жития — посредством коммуникации реализуется наш жизненный путь, организуется и утверждается вся наша жизненная реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) По признанию представителей коммуникативной науки, общепринятого определения коммуникации нет. Ученые, не одно десятилетие пытавшиеся его выработать, пришли к выводу, что единое определение вряд ли возможно и вряд ли конструктивно. См. в этой

- связи: *Littlejohn S.W. & Foss K.A. Theories of human communication* (9th ed.). Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2008; *Pearce W.B. Making social worlds: A communication perspective*. MA: Blackwell Publishing, 2007; *Adler R., Rosenfeld L. & Proctor R. Interplay: the process of interpersonal communication*. — NY: Oxford University Press, 2007.
- (2) Подробнее о сосуществовании разных парадигматических подходов в современной теории коммуникации и об их вкладе в понимание этого сложного процесса можно прочитать в работе *Р. Крейга*: Теория коммуникации как область знания. В кн. *Компаративистика-III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований* (под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. С. 72—126). СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003.
 - (3) Т. Винокур называет это двойной зависимостью говорящего и слушающего. См.: *Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*. — М.: Наука, 1993. — С. 91.
 - (4) См.: *Galanes G. & Leeds-Hurwitz W.* (Eds.). *Socially constructing communication*. — Cresskill, New Jersey: Hampton Press, 2009; *Gergen K., Schrader S. & Gergen M.* (Eds.). *Constructing worlds together: Interpersonal communication as relational process*. — Boston, MA: Pearson, 2009; *Holstein J. & Gubrium J.* (Eds.). *Handbook of constructionist research*. — N.Y.: Guilford Press, 2007; *Pearce W.B. Making social worlds: A communication perspective*. MA: Blackwell Publishing, 2007; *Казаринова Н.В. Межличностная коммуникация: социально-конструкционистский анализ*. — СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006; *Pearce W.B. & Pearce K.A. Taking a communication perspective on dialogue*. In *R. Anderson, L. Baxter & K. Cissna* (Eds.). *Dialogue: Theorizing differences in communication studies*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004; *Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания*. В кн. *Компаративистика-III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований* (под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. С. 72—126). — СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003; *Littlejohn S.W. Theories of human communication* (7th ed.). Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2002; *Cronen V.E. Practical theory and the tasks ahead for social approaches to communication*. In *W. Leeds-Hurwitz* (Ed.). *Social approaches to communication* (P. 217—242). — N.Y.: Guilford Press, 1995; *Leeds-Hurwitz W.* (Ed.). *Social approaches to communication*. — N.Y.: Guilford, 1995.
 - (5) Тем, кто заинтересован получить расширенное представление о месте социального конструирования в современных социальных исследованиях, рекомендуем обширный междисциплинарный сборник: *Holstein and Gubrium* (eds.), *Handbook of constructionist research*, 2007.
 - (6) См. об этом подробнее: *Межличностная коммуникация: теория и жизнь* / О.И. Матяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матяш. — СПб.: Речь, 2011.
 - (7) *Pearce W.B. & Pearce K.A. Taking a communication perspective on dialogue*. In *R. Anderson, L. Baxter & K. Cissna* (Eds.). *Dialogue: Theorizing differences in communication studies*. — Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
 - (8) См.: *Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / Собрание сочинений*. — М.: Русские словари, 1996. — Т. 5.
 - (9) *Pearce W.B. & Cronen V.E. Communication, action, and meaning*. — NY: Preager, 1980; *Pearce W.B. Making social worlds: A communication perspective*. MA: Blackwell Publishing, 2007.
 - (10) Субъектами коммуникации могут быть разные акторы: не только индивиды, но и группы, сообщества, общества, государства.
 - (11) В традициях некоторых интеллектуальных школ признается необходимым различать *смысл* и *значение*. Мы, однако, исходим из того, что в контексте/контекстах межличностной коммуникации это различие относительно, границы между ними подвижны и их противопоставление малофункционально. То, что в одном социальном контексте может восприниматься как содержание, имеющее общее значение, в другом социальном

- контексте может восприниматься иначе и приобретать иной смысл (например, норма поведения, признанная в одной культуре, необязательно признается таковой в другой культуре). Подробнее см.: *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2003. — С. 375—389.
- (12) См.: *Baxter L.A.* Voicing relationships. — Thousand Oaks, CA: Sage, 2009; *Holstein J. & Gubrium J.* (Eds.). Handbook of constructionist research. — N.Y.: Guilford Press, 2007; *Pearce W.B.* Making social worlds: A communication perspective. — MA: Blackwell Publishing, 2007; *Stewart J., Zediker K. & Witteborn S.* Together: Communicating inter-personally: A social construction approach (6th ed.). — Los Angeles, CA: Roxbury, 2005; *Соколов А.В.* Метатеория социальной коммуникации. — СПб.: Издательство российской национальной библиотеки, 2001; *Leeds-Hurwitz W.* (Ed.). Social approaches to communication. — N.Y.: Guilford, 1995.
- (13) См.: *Луман Н.* Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004; *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2003; *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров / Собрание сочинений.— М.: Русские словари, 1996. Т. 5.; *Gergen K.J.* Realities and relationships: Soundings in social construction. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
- (14) См.: *Gergen K.J.* Social construction in context. — L.: Sage, 2001; *Gergen K.J.* An invitation to social construction. — L.: Sage, 1999; *S. McNamee & K. Gergen* (Eds.). Relational responsibility: Resources for sustainable dialogue. — Thousand Oaks, CA: Sage, 1999.
- (15) *Berger P.L. & Luckmann T.* The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. — N.Y.: Doubleday, 1966 / *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000891/index.shtml>
- (16) См.: *Baxter L.A.* Voicing relationships. — Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.
- (17) *Baxter L.A.* Voicing relationships. — Thousand Oaks, CA: Sage, 2009; *Baxter L.A. & Braithwaite D.O.* Relational dialectics theory: Crafting meaning from competing discourses. In *L. Baxter & D. Braithwaite* (Eds.), Engaging theories in interpersonal communication: Multiple perspectives (P. 349—361). — Thousand Oaks, CA: Sage, 2008; *Holstein J. & Gubrium J.* (Eds.). Handbook of constructionist research. — N.Y.: Guilford Press, 2007. *Stewart J., Zediker K. & Witteborn S.* Together: Communicating inter-personally: A social construction approach (6th ed.). — Los Angeles, CA: Roxbury, 2005; *Gergen K.J.* An invitation to social construction. — L.: Sage, 1999.
- (18) *Stewart J., Zediker K. & Witteborn S.* Together: Communicating inter-personally: A social construction approach (6th ed.). — Los Angeles, CA: Roxbury, 2005; *Pearce W.B.* Making social worlds: A communication perspective. — MA: Blackwell Publishing, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Schramm W.* The unique perspective of communication: A retrospective view // Journal of Communication. — 1983. Summer. — 6—15.
- [2] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров / Собрание сочинений.— М.: Русские словари, 1996. — Т. 5.
- [3] *Джерджен К.* Социальный конструкционизм: знание и практика / Под общ. ред. А.А. Полонникова. — Минск: БГУ, 2003.
- [4] *Gergen M.* Relational responsibility: Deconstructive possibilities. In *S. McNamee & K. Gergen* (Eds.). Relational responsibility: Resources for sustainable dialogue. — Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. — P. 99—107.
- [5] *Cronen V.E.* Practical theory and the tasks ahead for social approaches to communication. In *W. Leeds-Hurwitz* (Ed.). Social approaches to communication. — N.Y.: Guilford Press, 1995. — P. 217—242.

- [6] Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика / Под общ. ред. А.А. Полонникова. — Минск: БГУ, 2003.
- [7] Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2003.
- [8] Gergen K. & Gergen M. (Eds.). Social construction: A reader. — Sage, 2003.
- [9] Stewart J., Zediker K. & Witteborn S. Together: Communicating inter-personally: A social construction approach (6th ed.). — Los Angeles, CA: Roxbury, 2005.

HUMAN COMMUNICATION: A MEANING-MAKING EXPERIENCE

O.I. Matyash

Ph.D. (Syracuse University, USA),
Candidate of Science in Education (Russian Academy of Education)

The article reviews some modern approaches to human communication. It highlights the approach, which is relatively new to the Russian social science and humanities tradition, that is: *communication as social construction*. The social construction approach brings into focus the constructive, transformative, and constitutive role of communication, while viewing communication itself as a meaning-making and negotiation (coordination) process.

Key words: human communication, communication models, communication as transaction, social construction, meaning, conversation as communication, lifeworld, communicative choices, responsibility.